

Т. Н. КОПРЕЕВА

Неизвестный литературный источник Жития Софрония Врачанского

Вопрос о литературных источниках Жития Софрония Врачанского до сих пор еще недостаточно изучен. Несомненно он все еще остается одной из важнейших проблем для характеристики оригинального литературного творчества этого известного болгарского книжника, писателя и просветителя конца XVIII—начала XIX в.

Какие писатели и в какой мере оказали влияние на создателя первой болгарской автобиографии? Вопрос этот встал вскоре после опубликования Жития Г. Раковским. Одним из первых был указан Досифей Обрадович, крупнейший писатель и переводчик сербского Возрождения, современник Софрония. В частности, было высказано предположение о возможном влиянии на творчество Софрония автобиографии Обрадовича, опубликованной в 1783 г. в Лейпциге на сербском языке под названием «Живот и приключения Димитрия Обрадовича, нареченога у калугерству Досифеа, ним истим писать и издать».¹

Однако, сопоставляя творчество Обрадовича и Софрония, большинство исследователей не могли не отметить, что зависимость эта могла быть только чисто внешней, так как ни характер изложения, ни цели, которые ставили перед собою оба автора, не позволяют установить прямой зависимости Жития Софрония от автобиографии Обрадовича.² В настоящее время отдельные исследователи даже склонны ограничить это влияние лишь возможным заимствованием темы описания собственной жизни.³

Не вдаваясь в детальное обсуждение вопроса, в какой мере это предположение справедливо, отметим только, что он не может быть решен категорически, так как возможно, что толчком к написанию Софронием Жития могли послужить, как мы увидим ниже, обстоятельства совсем иного рода.

В недавнее время в противовес традиционному взгляду о влиянии Обрадовича болгарский ученый К. Мечев выдвинул предположение о не-

¹ На возможность подобного влияния указывали М. Дринов, А. Годоров-Балан, И. Шишманов, М. Арnaudов, М. Г. Попруженко, Н. С. Державин и др. (см. подробнее в статье: К. Мечев. Протопоп Аввакум и Софроний Врачанский. — ТОДРЛ, т. XIX, М.—Л., 1963, стр. 358—360).

² См.: Б. Пенев. 1) История на новата българска литература, т. III. София, 1933, стр. 331; Доситей Обрадович у нас. — «Списания на БАН», кн. III, София, 1912, стр. 38; В. Киселков. Софроний Врачански. Живот и творчество. София, 1963, стр. 204.

³ К. Мечев. Протопоп Аввакум, стр. 358; В. Киселков. Софроний Врачански, стр. 160—172, 208—210, 212, 214.

посредственным влиянии на Житие Софрония Жития протопопа Аввакума. Автор высказывает убеждение, что Софроний знал Житие Аввакума, читал его и что оно «в известной степени» послужило для него толчком, причиной к осознанию значимости собственной жизни. Знакомство Софрония с рукописью Жития Аввакума, по мнению К. Мечева, произошло в Бухаресте.⁴

Вопрос о литературных влияниях чрезвычайно труден для изучения и требует осторожного подхода и тщательного анализа сопоставляемых произведений. Иногда влияние одного писателя на другого осуществляется не прямо, а опосредствованно, иногда — это всего лишь общий политический и социальный «климат», который сближает творчество писателей, иногда типологические особенности данного литературного жанра.⁵

То общее, что подметил К. Мечев в Житиях Аввакума и Софрония, возможно является результатом типологической общности, проистекающей от общности жанра, а не прямого воздействия творчества Аввакума, писавшего свое Житие в совершенно других социально-политических условиях, чем Софроний. Однако вопрос этот требует дополнительного изучения.⁶

Всем исследователям, решавшим так или иначе вопрос о литературных источниках «Жития и страданий грешного Софрония» присущ, на наш взгляд, один методический недостаток — вопрос этот решался ими только на основании текста Жития, при этом вне поля зрения оставались те произведения, в окружении которых дошло до нас Житие. Между тем обязательность изучения литературного произведения в связи с другими произведениями, входящими в состав данной рукописи, является в настоящее время одной из аксиом текстологической и литературоведческой работ.⁷

Как известно, Житие Софрония является частью рукописного сборника,⁸ составленного и написанного им самим; в него включены еще следующие произведения:

1) «Православное исповедание веры»; компиляция, в основе которой, как предполагают исследователи, лежит перевод сочинения греческого философа и богослова Евгения Вульгариса.⁹

2) «Повесть о веры и о обычай еврейския», перевод с греческого сочинения Павла Медийского (о. Неофита).

3) «Систима и религиа мохамеданския и о житие Мохамедовое, иже оны веруют его пророка быти последняго . . . и още много друго що оны веруват и держат».

Впервые сборник был обнаружен и описан в 1907 г. П. Лавровым.¹⁰ Подробная характеристика его дана в статьях А. И. Соболевского,¹¹

⁴ К. Мечев. Протопоп Аввакум, стр. 366.

⁵ Вопрос о типологических особенностях жанра автобиографии в славянских литературах почти не изучен.

⁶ А. Н. Робинсон. Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. Вопросы литературно-исторической типологии. М., 1963, стр. 12.

⁷ Д. С. Лихачев. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, стр. 248—262.

⁸ В настоящее время хранится в Отделе рукописей ГПБ, в собрании М. П. Погодина, № 1204. (Далее: Пог. 1204).

⁹ В. Киселков. Софрони Врачански, стр. 164.

¹⁰ См.: ИОРЯС, т. XII, кн. 3, 1907, стр. 401.

¹¹ А. И. Соболевский. Неизвестные труды Софрония Врачанского. — ИОРЯС, т. XIII, кн. 1, 1908, стр. 91—94.

А. И. Яцимирского,¹² П. Орешкова,¹³ Б. Ангелова¹⁴ и в книге В. Киселкова.¹⁵ В отличие от других исследователей, рассматривавших сборник как единую рукопись, написанную Софронием между 1803 и 1805 гг., последний выдвинул предположение, что отдельные части сборника создавались одновременно, причем к маю 1805 г. была написана только первая часть сборника — так называемая книга о трех религиях, тогда как Житие — только в 1810—1811 гг., т. е. на 5—6 лет позже. Как полагает В. Киселков, незадолго до смерти Софроний переплел обе рукописи вместе. Таким образом, В. Киселков приходит к выводу, что обе части сборника никак не связаны друг с другом.

Не предполагая здесь рассмотреть подробно факты, противоречащие гипотезе В. Киселкова,¹⁶ обратим внимание только на следующее, чрезвычайно, на наш взгляд, интересное обстоятельство: Житие имеет общую нумерацию листов с последней частью книги о трех религиях — книгой, посвященной магометанской религии.¹⁷ Это тем более любопытно, что остальные два сочинения, входящие в сборник, имеют свою отдельную нумерацию листов. Рукопись была пронумерована Софронием, очевидно, в процессе работы над нею. В. Киселков отметил это обстоятельство, однако оставил его без внимания. Указывает ли этот факт на то, что оба произведения как-то связаны друг с другом? Разобраться в этом мы сможем только в том случае, если обратимся к сочинению, продолжением которого служило «Житие грешного Софрония».

Уже А. И. Соболевский определил, что книга о магометанской религии является переводом на новоболгарский язык сочинения сподвижника Петра Великого, ученого, философа и политического деятеля Димитрия Кантемира.¹⁸ Это сочинение озаглавлено «Систима, или Состояние мухаммеданския религии».¹⁹

Автор «Систимы» Димитрий Кантемир был выходцем из Молдавии. Сын молдавского господаря Константина Кантемира, он получил блестящее для своего времени образование и в течение длительного времени жил при турецком дворе в Константинополе. В 1710 г. Димитрий Кантемир по решению султана в свою очередь стал молдавским господарем. Однако, убежденный патриот, он с начала русско-турецкой войны 1711—1712 гг. перешел на сторону русских. После ухода русских войск из Молдавии (по условиям Ясского договора) Кантемир вместе со своими приближенными переселился в Россию, где и прожил до самой смерти (в 1723 г.).

Талантливый, высокообразованный политический и государственный деятель, ученый и писатель, Д. Кантемир нашел в России свою вторую родину. Здесь он показал себя горячим поклонником государственного и военного талантов царя Петра, который в свою очередь сумел оценить его широкую осведомленность в вопросах восточной политики. В 1721 г. Кан-

¹² А. И. Яцимирский. Мелкие тексты и заметки по старинной южнославянской и русской литературам. — ИОРЯС, т. XXI, кн. 7, 1916, стр. 109—127.

¹³ П. Орешков. Автобиография на Софрони Врачански. София, 1914, стр. 7—13.

¹⁴ Б. Ангелов. Софрони Врачански. Материали за живота и творчество. — Известия на Института за българска литература, кн. VII, София, 1958, стр. 309—325.

¹⁵ В. Киселков. Софрони Врачански, стр. 160—167. |

¹⁶ Последние рассмотрены нами в статье «К вопросу о датировке „Жития“ Софрония Врачанского» (находится в печати).

¹⁷ Ненумерованными остались только два последних листа «Жития».

¹⁸ См.: А. И. Соболевский. Неизвестные труды, стр. 93.

¹⁹ Систима, или Состояние мухаммеданския религии. СПб., 1722. (Далее: Систима). Подробную характеристику издания см. в кн.: Описание книг гражданской печати. Составители Т. А. Быкова и М. М. Гуревич, М.—Л., 1957, стр. 394, оп. 715.

темир получил чин тайного советника; в 1722 г. он сопровождает царя в Персидском походе.

Кантемир начал писать еще в 90-х годах XVII в. Круг его писательских интересов был чрезвычайно широк: это были сочинения по философии, истории (молдаво-валашская хроника, история подъема и падения оттоманского двора), политические и религиозные трактаты (например, трактат о монархии), сочинения по музыке. Д. Кантемир написал также полубеллетристический аллегорический роман-памфлет «Istoria ieroglifica».²⁰ «Систима» была написана Д. Кантемиром, очевидно, еще до 1719 г.²¹ Как отмечено в предисловии, царю было угодно «рабу своему поручити, дабых о мухаммеданской религии ... некое нижним штилем и просторечием издание ... на свет произвел».²² Перевод работы Кантемира с латинского на русский был сделан секретарем последнего, писателем и переводчиком Иваном Ильинским, воспитанником Московской славяно-греко-латинской академии.²³

Из переписки, которую вел Синод с Кантемиром, видно, что изданию «Систимы» придавалось большое политическое значение.²⁴ Сам царь принимал живейшее участие в его подготовке. Книга вышла значительным для того времени тиражом в 1050 экземпляров.

Книга открывается титульным листом, вслед за ним помещено «слово приношение» автора царю («освященного Российского государства освященнейшему автократору ... отцу отечества, злодеянию прогнителяю, добродетелей же и свободных наук и художеств насадителю, славянских народов вечные славы начальнойшему автору»), где изложены обстоятельства появления книги и трудности, с которыми столкнулся автор при ее написании. За «словоприношением» следует оглавление и два посвящения в стихах, написанные ректором Московской славяно-греко-латинской академии Феофилактом Лопатинским и Иеронимом Вишневецким.

Текст сочинения Кантемира предваряется предисловием, обращенным к читателю, в котором автор излагает свои соображения в пользу избранной темы: «Аще же никтоже скажет, никтоже услышит, никтоже научится и последовательно никтоже что-либо знати будет и тако ниже что благо, что же зло, что истинно и что можно рассмотри и рассудити возможет. Ибо наук помощью познаваются законов благодати и законодавцев правда и человеколюбие. От познания же законов направляются злонаравития, добродетели любимы бывают и злочинства избывают».²⁵ Собственно сочинение Кантемира состоит из шести книг, которые в свою очередь подразделяются на главы или части. В оглавлении стоит том первый, однако второй том так и не вышел.

Книга Кантемира посвящена разбору и характеристике религиозных, политических, философских и научных воззрений мусульман. Автор касается турецких обычаев, судебных установлений, религиозных обрядов,

²⁰ P. P. Panaitescu, Dimitrie Cantemir. Viața și opere. 1958; St. Ciobanu. Dimitrie Cantemir in Rusia. București, 1925; G. Bezviconi. Contributii la istoria relatiilor romîno-ruse. București, 1962; P. P. Panaitescu. Le prince D. Cantemir et le mouvement intellectuel russe sous Pierre le Grand. — Revue des études slaves, 1926, VI, стр. 53; Передовые румынские мыслители XVIII—XIX веков. М., 1961, стр. 47—52.

²¹ Панегирик И. Вишневецкого Д. Кантемиру помечен 1719 г. (Систима, стр. 12).

²² Систима, Предисловие, стр. 8.

²³ См.: История русской литературы, т. 3. М., 1941, стр. 177; П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. II. СПб., 1862, стр. 581—585.

²⁴ П. Пекарский. Наука и литература, т. II, стр. 567—570.

²⁵ Систима, стр. 2.

в значительной мере опираясь на собственный опыт, собственные наблюдения, случаи, встреченные им во время пребывания в Константинополе. Автор широко прибегает к собственной памяти, когда описывает те или иные события, кроме того, он всюду прямо выражает свое авторское отношение к рассказываемому. Сведения автобиографического характера рассеяны на протяжении всей книги.²⁶ Нередко автор ссылается на другие свои работы.²⁷ Все это позволяет отнести книгу Кантемира к произведениям мемуарного жанра.

Что представляет собою перевод, сделанный Софронием, в его отношении к оригиналу?²⁸ Переводчик, в соответствии с принятой им системой и для других произведений, включенных в сборник, отбросил титульный лист. Заглавие книги было им несколько видоизменено.²⁹ Перевод открывается предисловием, обращенным к «любезнейшему читателю» как бы от имени Софрония, так как подписано им самим.³⁰ Однако при сравнении текста предисловия Софрония с предисловием к книге Кантемира выясняется, что первое является сокращенной переработкой второго. Почти целиком предисловие Кантемира вошло в состав общего предисловия к книге о трех религиях.³¹ Начальные слова в обоих предисловиях совпадают дословно с предисловием Кантемира.³² В общем предисловии Софроний последовательно добавляет к абзацам, посвященным Корану, ссылку на еврейские книги,³³ тем самым связывая его не только с «Систимой», но и с книгой Павла Медика. В предисловии собственно к «Систиме» Софроний отбрасывает все морализирующие сентенции Кантемира касательно причин распространения магометанской религии и видит последние в умножении ересей и взаимных распрях христиан.³⁴ Софроний отбросил деление на тома, книги и главы и обозначил отдельные разделы «Систимы», в соответствии с традициями славянской средневековой книжности, как «повести» или «сказания».³⁵ То обстоятельство, что Софроний переносит предисловие на себя, с полной очевидностью свидетельствует, что он еще не порвал вполне с средневековым отношением к вопросу об авторстве.³⁶ Однако ниже мы попытаемся показать, что дело не только в этом.

²⁶ «Девятый уже переходит год, императоров благочестивейший, отнелиже преизобилнейшая милости своея, особливо на мя изливаемою благодатию, под сень и щит российский орла приняи мене, и покровительствовати благоволило величество ваше. Десятое лето уже начинается, отнелиже в сей православно-российской монархии благотишную жизнь препровождаю» (Систима, Словоприношение, стр. 1; см. также стр. 30, 64, 106, 123, 126, 142, 167—168, 195—198, 221, 231, 241, 255, 276, 294, 301, 302, 310, 312, 324, 344, 353, 356, 357, 359 и др.).

²⁷ «Зри пространнее о сем в наших нотациях на историю расширения двора отоманского» (Систима, стр. 27; см. также стр. 123 и др.).

²⁸ П. Панаитеску ограничивается лишь упоминанием о переводе, сделанном Софронием (P. P. Panaitescu, Dimitrie Cantemir). В. Киселков, сообщая чрезвычайно неточные сведения об авторе «Систимы», пишет, что рукопись Софрония представляет обыкновенный перевод книги Кантемира, экземпляра которой, по-видимому, был им обнаружен в Бухаресте (В. Киселков. Софрони Врачански, стр. 166).

²⁹ См. выше, стр. 262.

³⁰ Подпись в конце текста (Пог. 1204, лл. 180—181); напечатано в статье: Б. Ангелов. Софрони Врачански, стр. 311—317.

³¹ Пог. 1204, лл. 2—4 об.

³² Начальные слова: «Давид, сын Исеев, человек по сердцу божию, в царех преизящнейший...» (Систима, Предисловие, стр. 1).

³³ «Егда книгу Курана в руки возмет» (Систима, стр. 3). Софроний: «В руце свои талмуфь книга еврейския и Корана турецкаго» (Пог. 1204, л. 2 об.).

³⁴ «Един другий предавали себе и един другий яли себе като рыбы» (Пог. 1204, л. 180 об.).

³⁵ Пог. 1204, лл. 182—184: «Оглавление обретающихся в книге сей».

³⁶ В. Киселков. Софрони Врачански, стр. 166.

Вообще текст книги Кантемира был значительно сокращен. Так, Софроний отбрасывает посвящение автора Петру I, в книге I опускает главу «О именах Мухаммедовых»; в главе 2 — рассуждение автора о точной дате рождения Мухамеда; опускает главу 3 «О персоне Мухаммедовой».³⁷ В отдельных случаях сокращения, очевидно, объясняются тем, что болгарский читатель лучше был осведомлен о том, о чем писал Кантемир, чем русский, и поэтому Софроний опускал отдельные разъяснения.³⁸ Кроме того, совершенно очевидно стремление Софрония приспособить текст книги к уровню ее будущих читателей — людей из народа, не осведомленных в отношении многих фактов, входивших в круг научных понятий начала XVIII в.³⁹ Большой частью сокращения Софрония преследуют цель упростить конструкцию фраз. Стремясь добиться большей ясности и простоты изложения, он опускает витиеватые обороты, характерные для русского книжного языка начала XVIII в.⁴⁰

Однако в ряде случаев причины изменения и пропуска текста явно продиктованы не стилистическими мотивами. Так, например, в предисловии Софроний в перечне народов, подпавших под турецкое иго, опускает упоминание о «римлянах» и «прочих христианских народах»:

Кантемир

Софроний

Зане умаляющимся в [римлянех], греках, болгарех [и в протчих христианских народех] добродетелем и [устваюцу военному обучению] уничтожену христианскому согласию, поправу бывшу изряднейшему политическому правлению, [толь благополучных царств и империй владетели первее страсть восприяша], еже от своих злочинств побежденным быти, [а по том общий сей всего света супостат побежденных] победил, [связанных связал] и от себе самих плененных в лютое тиранства своего иго пленил [и смирил] (Систима, Предисловие, стр. 8).⁴¹

Затова толико возрасте господствованье его, почто и было умалило у грецы и у болгары любовь, и согласие, и добродетель, и потыпкану было изрядное гражданское правление, и от свое злочинствие побеждены и пленены быша и в лютое мучительство смиренныи впадоша (Пог. 1204, л. 4).

Для времени Софрония сведения о побежденных турками «римлянах» уже не соответствовали действительности. Однако дело не только в этом. Его прежде всего волнует судьба родного болгарского народа и народа, близкого последнему по судьбе, — греков. Рознь между этими народами — вот что послужило причиной их гибели. Внешне текст претерпел, казалось бы, не очень большие изменения (опущены тавтологические обороты, фразы стянуты), однако благодаря этому он приобретает совершенно новый политический смысл.

Софроний не только сокращал текст Кантемира, но и дополнял его из

³⁷ В рукописи опущены также главы 4—5 из книги I; в книге II — главы 1, 3, 6; в книге VI — главы 36—41. Весьма возможно, что лл. 353—362 об., на которых написано Житие, первоначально предназначались именно для этих последних глав.

³⁸ Так, например, в рассказе о юноше Николае опущен перечень того, что продалось в константинопольской бакалейной лавке (см.: Систима, стр. 255; Пог. 1204, л. 310).

³⁹ Так, Софроний отбрасывает математические выкладки в разделе, посвященном магометанскому определению даты «начала мира», и заменяет их следующей лаконической фразой: «Много и още сказувать зарад оныя светове, како са созданы. Воистину са дивный народ тие мохамеданите, преклоняватся и веруват таковий неразумныя лжи и бабины басни» (Систима, стр. 102; Пог. 1204, л. 211).

⁴⁰ Русский литературный язык в первой половине XVIII в. — В кн.: История русской литературы, т. 3, М.—Л., 1941, стр. 53.

⁴¹ Здесь и далее в тексте Кантемира в прямые скобки заключены слова, отброшенные при переводе Софронием.

других источников. Так, например, в главе 2 книги I вставлен отрывок «из греческой истории» о происхождении арабов.⁴² В ряде случаев он дополняет текст, чтобы дать необходимые пояснения своему читателю. Так, Кантемир пишет: «Мухаммед крайнее благое полагает во внешнем и всем скотом общем чувстве. И своим воспоследователем...».⁴³ Софроний добавляет: «И на своите ученицы [сиреч турцы]».⁴⁴ Или, в приводимый Кантемиром перечень славянских народов: «славянский язык есть мати языка рускаго, польскаго, казацкаго, сербскаго, болгарскаго, ческаго и протчая»⁴⁵ Софроний добавляет еще два: «и боснянского и склавунского».⁴⁶ В ряде случаев Софроний совершенно очевидно вносит добавления в текст с целью беллетризировать изложение (например, вводит дополнительные подробности в характеристику мифологических персонажей, при описании отдельных событий и т. п.). Так, Кантемир рассказывает известный эпизод с Моисеем, когда фараон приказывает убить трехлетнего младенца за то, что тот при слугах непочтительно схватил его за бороду. Дочь фараона, полюбившая мальчика, напоминает отцу, что трехлетний младенец не может быть злоумышленником, так как у него нет разума. Чтобы убедить отца окончательно, она предлагает поставить перед ребенком блюдо с деньгами и жаровню с углями. Если она права, ребенок, привлеченный блеском огня, схватится за угли. Так и случается — маленький Моисей хватается угли руками и кладет их как яблоки в рот. «Чесо ради язык его так ожжеся, яко в совершенном возрасте не мог чисто глаголати».⁴⁷ Софроний добавляет: «И като начена да плачи отрочето жално, тогива фараон начена да са смеи и утеши гневь свой».⁴⁸ Здесь он доводит до конца развитие событий и характеристику психологического состояния действующих лиц. Этой же, по-видимому, потребностью беллетризировать текст объясняется большая вставка в конце 4-й главы VI книги⁴⁹ — рассказ о любви русской девушки к турецкому пленнику.⁵⁰

Несомненно, что художественные дополнения и вставки имели целью сделать текст книги Кантемира более занимательным для чтения, и вместе с тем усилить ее эмоциональное воздействие. Одна из интересных особенностей творчества Софрония заключается в том, что он выступает не только в качестве редактора-переводчика, но и одновременно как читатель. Это позволяет ему ввести дополнительные средства для усиления эмоционального воздействия. Софроний-читатель представлен ремарками в тексте и на полях, комментирующими содержание от первого лица, например: «Виждьтя лживое сказание мохамеданское, когии былъ Иовь, когии и былъ Амафия князь».⁵¹ По поводу легенды о Магомете разломавшем луну на две части, Софроний замечает: «Боже мой, бива ли тая работа, като е луната колко землята голяма, а да влезе у ракавам и да я приломи!».⁵² По поводу обещания магометанской религии дать каждому му-

⁴² Отрывок заканчивается словами. «Дозде есть от греческая история, и да наченем паки турецкая» (Пог. 1204, лл. 185, об.—187).

⁴³ Система, Предисловие, стр. 6.

⁴⁴ Пог. 1204, л. 4.

⁴⁵ Система, стр. 52.

⁴⁶ Пог. 1204, л. 250 об.

⁴⁷ Система, стр. 121.

⁴⁸ Пог. 1204, л. 221 об.

⁴⁹ «Повесть о погребении и поминании умерших мохаммеданских» (Пог. 1024, лл. 318 об.—319).

⁵⁰ См. ниже: «Приложение», стр. 274—275.

⁵¹ Пог. 1204, л. 225; ср. л. 198 об.; см. П. Орешков. Автобиография, стр. 35—36.

⁵² Пог. 1204, л. 196 об.

сульманину на том свете столько земли, сколько он пожелает, Софроний возмущенно замечает: «Тая лжа на умь человеческий не са вместе, отгде да са уземе толкос широта на свето, на толкос милионы муслимани».⁵³

Относительно представления турок о бессмертии папы Софроний восклицает: «Виждте голямая лжа: папа да буде безсмертен! Папа ест единь арихиереа-человек, кога умре единь, другий быва на место его».⁵⁴

Софроний здесь выступает не просто как читатель, он читает как бы книгу вслух и комментирует ее для окружающих. Это непрерывное и живое общение Софрония с другими людьми, постоянно осуществляющийся диалог с присутствующими — характерны для творчества Софрония. В этом он верный продолжатель греко-славянской проповеднической и дамаскинской традиций, предполагавших постоянное живое общение рассказчика с аудиторией.⁵⁵ Вместе с тем ремарки на полях свидетельствуют о живости и непосредственности читательской реакции самого Софрония. Их лаконизм и саркастический тон напоминают читательскую манеру великого французского просветителя Вольтера.⁵⁶

На славянскую книжную традицию опирается Софроний и в своем филологическом комментарии к «Систиме», размещенном на полях рукописи.⁵⁷ С подобной же системой — приводить на полях к отдельным книжным словам в тексте синонимы из разговорной речи — мы встречаемся уже в печатной Библии Ф. Скорины, представляющей собою перевод священного писания на народный белорусский язык. В предисловии к Псалтыри Ф. Скорина на этом останавливается специально: «Положил есми на боцех некоторые слова для людей простых русским языком, что которое знаменует».⁵⁸ Широко использовали подобный филологический комментарий и писатели-переводчики эпохи Петра I — Шафиров, Гаврила Бужинский и другие, стоявшие перед необходимостью объяснять широкому читателю как устаревшие церковнославянские, так и обильно хлынувшие в литературу иностранные слова. В «Систиме» Кантемира мы сталкиваемся с той же практикой: очевидно, филологический комментарий здесь принадлежит переводчику Ильинскому.

Софроний усваивает этот прием, с тем чтобы пояснить болгарскому читателю значение устаревших книжно-литературных слов.⁵⁹ Иногда он не ограничивается подбором синонимов из разговорного языка, но и дает развернутое объяснение значению приводимого им слова.⁶⁰ Позднее, к филологическим глоссам Софроний будет широко прибегать и в рукописном «Недельнике» и в рукописи «Гражданское позорище».

Софроний вносит изменения и в структуру книги, в частности он не придерживается строго того деления на главы, которое дает Кантемир. В ряде случаев частные эпизоды той или иной главы (например, отрывок о цыганах, рассказ о юноше Николае, рассказ об Иове и др.) стано-

⁵³ Пог. 1204, л. 244; см. также лл. 230, 230 об., 232 об., 246, 253, 254, 265, 265 об., 278 об., 283 и др.

⁵⁴ Пог. 1204, л. 282 об.

⁵⁵ См.: Д. Петканова-Тотева. Дамаскинците в българската литература. София, 1965, стр. 22.

⁵⁶ Факт, что маргиналии Вольтера не только и не столько записи для себя, сколько комментарии для других, — еще не получил достаточного освещения в литературе.

⁵⁷ См.: Д. Петканова-Тотева. Дамаскинците, стр. 110—111.

⁵⁸ П. В. Владимиров. Доктор Франциск Скаринна. Изд. ОЛДП, 1888, стр. 85.

⁵⁹ Подробнее см.: П. Орешков. Автобиография, стр. 34—44.

⁶⁰ Так, на л. 313 об. разъяснено слово «развод»: «сиречь, коги хоче да си напустя някой мохамеданин жена своя».

вятся самостоятельными повестями.⁶¹ То обстоятельство, что Софроний произвольно нарушает порядок следования книг и глав,⁶² на наш взгляд, вряд ли следует приписать желанию Софрония перегруппировать последовательность изложения материала: скорее всего, это произошло вследствие того, что Софроний переводил книгу одновременно, по частям, и при окончательной переписке текста у него под рукой уже не оказалось оригинала.⁶³ Возможно, что, тайно бежав из Видина в Румынию, он должен был бросить всю свою библиотеку в том числе и некоторые собственные рукописи.⁶⁴

Говоря о литературных приемах редактора-переводчика, не следует упускать из виду, что в книге Кантемира Софроний видел прежде всего не историко-литературное произведение, а политический документ большого агитационно-пропагандистского значения.⁶⁵ Софроний пытается усилить именно эту его сторону. См., например:

Кантемир

I. Любопытных ради, паче же благочестивых людей, в пример предложу некую историю, ея же сам очевидный свидетель есмь, от чего да познают простые православные христиане, коль бедственно есть пребывание христиан [а наипаче греков], которые донныне под турецким и мухамеданским въздыхают игом (*Систима*, стр. 255).

II. Во дни султана Мурада, первого сего имени отоманского императора, около года [Гегыры] 763, войско турецкое, опустошив Фракию, Македонию и едва не всю Грецию, бесчисленное множество пленников, христиан сущих, из Европы в Азию привелоша (*Систима*, стр. 300).

III. Понеже оныя страны жители мухамедане в селах своих работников большую часть имеют христиан, сербов и мултян... (*Систима*, стр. 142).

IV. Зане у них (мусульман, — Т. К.) злочинства за добродетели и заблуждения за возмездия почитаются, и истинное

Софроний

Заради любопытный человецы, ала повыше заради благочестивыя людей, на примерь да предложу тая история, що есмь азь сам очевидный марторь за тая работа. [Спроти това хочу да скажу], зань да познаят и другите христиане, колко е [тешкое] и бедное живението христианское, а най много греки [и болгары], що въздышать и до сега под турецкие и мохамеданские [тешкий и жестокий] яремь и [никак си не отдыхвнат] (*Пог. 1204*, л. 310).

Во дни султана Морада, первого того имени отманскаго императора около 763 години [от рождество Христово, сам султан Мурадъ преминалъ на Калиполь] сас турецкая войска и упустили Фракию и Македонию [и всю Болгарию и Сербию], и едвамь не всю Грецию и узель безчетное множество пленники христианы (*Пог. 1204*, л. 331 об.).

Оная страна, що са има тамо мохамеданы, та по селата свои [имуть чефлицы] и много христианы работницы [фащать сас наемь да имь работят или за година или за шест месяцы] христиани, сербы, [болгары] и влахи... (*Пог., 1204*, л. 266).

Понеже у них злочинство за добродетель... и въ свободное позволение [и въ небоязненное грабление, и еже уби-

⁶¹ «Повесть о цыганском народе» (*Пог. 1204*, л. 351—351 об.), «История благочестивая и сладостнейшая о некоем юнаше» (*Пог. 1204*, лл. 310—311), «Сказание и повесть мохамеданская о праведнем Иове» (*Пог. 1204*, л. 225) и др.

⁶² Софроний: кн. I, гл. 1, 11, 6; 11, 12; кн. II, гл. 2; кн. I, гл. 3, 4, 5; кн. IV; кн. II, гл. 1 и т. д.

⁶³ На наш взгляд, предположение В. Киселкова о том, что Софроний переводил «Систиму» уже в Бухаресте (В. Киселков. Софроний Врачански, стр. 160, 166), ошибочно.

⁶⁴ Д. Петканова-Тотева. Недельникът на Софроний Врачански. Извори и идеи. — Известия на Института за българска литература, кн. IX, 1960, стр. 213—219, прим. 1. Возможно, этим и объяснялись отличия в переводе текста Недельных поучений в Видинском сборнике 1802 г. и «Недельника» 1806 г.; Д. Петканова-Тотева отмечает вторичный перевод текста.

⁶⁵ Вряд ли можно согласиться с точкой зрения В. Киселкова, что основная цель Софрония была в том, чтобы удовлетворить любознательность своих соотечественников — болгар (В. Киселков. Софроний Врачански, стр. 160—161).

блажнство в плотских похотех, в необузданных вожделениях, в неудержанных любодениях и в свободном грешении позволении [положено быти, веруют, которое прочитающе, их неправостию, их уста заградить может]» (*Систима, Предисловие, стр. 8*).

вати и пленити и чуждая стяжания вземати] (*Пог. 1204, л. 181*).⁶⁶

Во всех приведенных выше отрывках Софроний заостряет отвлеченные, расплывчатые формулировки Кантемира, усиливает их антитурецкий пафос, вводит болгарский и сербский народы в перечень народов, стонущих под ненавистным игом. Вместе с тем более конкретно и точно говорит Софроний о формах социального угнетения, практиковавшихся турками в отношении покоренных народов, столь хорошо знакомых ему по опыту собственной подневольной жизни в селе Котел.⁶⁷

Сказанное выше дает нам ключ к пониманию того, почему именно сочинение Кантемира, вышедшее почти за 100 лет до того, как оно попало в руки Софрония, показалось последнему настолько значительным, что он взялся за гигантский труд по переводу его с русского на болгарский язык.

Как известно, «Систима» Кантемира не утратила своего значения для потуреченных народов балканского полуострова в течение всего XVIII века.⁶⁸ «Систима» не просто давала представление о религиозных воззрениях турок, политических и гражданских установлениях Османской империи, она разоблачала царящий в ней произвол, религиозный фанатизм, политическое бесправие угнетенных народов.⁶⁹ Для Болгарии, где еще реальна была опасность потуречивания местного населения, разоблачение нелепостей магометанских религиозных воззрений было вполне актуальным.

Перевод «Систимы» был для Софрония еще одним звеном в ряду предпринятых им для спасения болгарской национальной культуры, языка и письменности литературных трудов. Перевод «Систимы» был лишь частью задуманного и осуществленного Софронием (очевидно, в Видине) труда, целью которого было сопоставить три мировые религиозные системы (православие, иудейство и магометанство), сосуществовавшие и соперничавшие в его время в пределах Болгарии.⁷⁰ Однако Софроний не предполагал создавать ученый богословский трактат. Задуманное им сочинение — книга о трех религиях — приобретала в условиях порабощенной и униженной Болгарии характер агитационного документа, близкого и понятного народным массам.

Почему Софроний решил дополнить сочинение Кантемира именно автобиографией? Не вдаваясь в подробное рассмотрение всех сторон этой большой и сложной проблемы, укажем на одно из обстоятельств, сыграв-

⁶⁶ Здесь и далее в переводе слова, взятые в прямые скобки, добавлены Софронием от себя. Ср.: Копривщенский дамаскин, л. 56 (Д. Петканова-Тотева Неделникът, стр. 13).

⁶⁷ См.: Житие.

⁶⁸ Так, например, в 1739 г. сербский епископ Виссарион Павлович просил русский Синод выслать ему «Пуфендорфа книгу арифметическую, Систиму магометанскую и другие исторические книги» (см.: М. Димитријевић. Траћа за српску историју. — Споменик, I, III, 1922, стр. 63).

⁶⁹ Например, рассказ о празднике св. Фоки, рассказ о юноше Николае и др.

⁷⁰ «И това ревностно ободрение подвигнало мене та исписахъ то сочинение, за тия три веры и обычаи християнския, еврейския и турецкия, всякий да чететь и да разуметь каковый веры держатъ християны и каковый еврей, и каковый турцы, и да разсмотреть добре, како есть вера християнская посреде оныя веры». (*Пог. 1204, л. 4 об.*).

ших, на наш взгляд, определенную роль в вопросе о выборе жанра Софронием: сочинение Кантемира, как мы уже указали, также имело полумемуарный, автобиографический характер. К тому, чтобы начать писать свою автобиографию, Софроний вполне был подготовлен характером изложения Кантемира.⁷¹

При этом обращает на себя внимание следующий любопытный факт: сохраняя большую часть автобиографических отступлений Кантемира, написанных от первого лица, Софроний, подписав предисловие своим именем, как бы переносит их на себя. О том, что это не просто рудимент средневекового отношения переводчика-компилятора к авторству, свидетельствует тот факт, что в отношении книги об иудейской религии Софроний не ступает иначе — в предисловии он указывает имя автора, чей труд он перевел на болгарский язык.⁷²

Обращает на себя внимание, что Софроний не только тщательно убирает имя Кантемира из предисловия, но и устраняет все те реалии, которые могли бы обратить на себя внимание читателя как не соответствующие его жизненной биографии. Так, Софроний не только исключает «Словоприношение» Кантемира (несомненно ничего уже не говорившее современному Софронию болгарскому читателю), но и тщательно отбрасывает все, что касается пребывания Кантемира в России.⁷³ Вот, например, как перерабатывает Софроний текст предисловия Кантемира к книге V, где последний пытается объяснить некоторые недостатки своего изложения отсутствием нужных ему книг в русских библиотеках.

Кантемир

Во правду доброхотно сказую, яко тяжчайшее мне належит бремя, и многопреплетенные предлежат трудности, их же ради не могу читателя довлесотворити, а наипаче три суть того вины, от них же первая есть, яко несмь толико искусен в учении, в законах, и в уставах мухамеданских, да о всякой и коеиждо вещи, яже у них сказуются, чтутся и веруются, совершенно возмогу повествовати.

Вторая, яко оная [аще и немногая] яже в юности обучения ради восточных языков, или прочитях, или в непрестанной через 22 лета при Порте Отманской с различных чинов людьми конверсация слышах, и памяти яко мягкому и удобопреклонному воску влелых [ныне уже от толиких лет, иными как публичными, так и приватными делами мне обложуся, и далече от конверсация таковых удалившуся], едва не вся из памяти изыдоша и хотя крепче в поятии начертаны быша, загладишася.

Софроний

Вь правду азь говорю, како е това мене тешкое бремя, и многопреплетенный трудности належит, що не мога азь сега да учиня доволность на четателя нашего желанието, ала най вече мене причина есть това, почто несмь толкова искусень, толкова на учение и на законь и на уставь мохамеданский, да могу да искажа вси вещи совершенно, що са у нихь чете и верува, макар и на младост що седяхь при Порте султанской 22 лета, и прочетох оная языци [арапский и перский и турецкий] и собирахся сас различный чинове людии и видехь и чухь, ала от многога времени повече излязоха из памяти моея, но колико найдохь по книгам их и колико имах на память мою това все да предложу вам. Що е речено... (Пог. 1204, л. 266 об.).

⁷¹ Еще ранее с попыткой ввести автобиографические элементы в повествование Софроний столкнулся в «Истории славяно-болгарской» Паисия Хилендарского. Последний значительно расширил круг сведений о самом себе, допускаемых средневековой книжностью. К тому моменту, когда Софроний написал свое «Житие», потребность в создании нового жанра в болгарской литературе уже была вполне ощутимой (поп Пунчо, Иосиф Хилендарский и др.). См.: Д. Петканова-Тотева. Дамаскинците, стр. 129, 188—189, 191—196.

⁷² «Приносям на обучение вашему любу мудрый читателю тая книга, що я приведохме от греческаго языка на простый болгарский язык, що е сочинена от Павла Медика». (Пог. 1204, л. 78 об.).

⁷³ Это тем более любопытно, что во второй видинский сборник (гл. 17) и в «Гражданское позорище» Софроний вставляет абзацы, посвященные России.

Третья, яко всячески есмы от числа оных, учению прилежащих, их же наука не в сердце, но в книгах, в библиотеках крыется, и тако мы в сем благочестивейшем Российском государстве, переходящего сего века жизнь, по большей части в праздности и неразумии провождающе, турецких и персидских книг весьма не имеем, а наипаче тех, которые к нашему делу и предложению приличествуют. Поискахом же их и в Государственной Российской библиотеке, но ни тамо [аще иными книгами зело призобилна и пребогата есть] обрести возмогохом (Систима, стр. 167—168).

В главе о рае, где Кантемир сравнивает кефаль с русским судаком, Софроний оставляет только греческое наименование рыбы, а остальное отбрасывает:

Кантемир

Софроний

Сладчайшая от всех брашен глаголют быти ... кефал балыги, греки туюжде называют кефалос [есть же рыба та, рускому судоку зело подобная, еяже икру, облиту воском и к Москве привозят] (Систима, стр. 165).

Ала говорят, почто наисладко ястие хоче тамо да нмь буде икру из рыба, що я оны наричат элбенбут: за таа рыба толкуват мохамеданите, како да буде кефаль рыба, що я наричат греците кефалось (Пог. 1204, л. 245).

Таким образом, судьба автора «Систимы» становится как бы судьбой Софрония. Несомненно, что Софроний сознательно идет на эту мистификацию — проблема законности или незаконности ее с точки зрения авторского права его не интересовала, ему было важно добиться у своего читателя признания достоверности сообщаемых в книге фактов, освещаемых сквозь призму личного опыта, личных переживаний.⁷⁴

Возможность подобной подстановки облегчалась совпадением отдельных реалий в биографии Софрония и Кантемира, а также совпадением их политических и общественных идеалов. Как и Кантемир, Софроний предпочел эмиграцию турецкой неволе. Как и Кантемир, Софроний видел в Русском государстве единственную реальную силу, способную освободить угнетенные славянские народы от вековой зависимости. Как и Кантемир, Софроний был сторонником «просвещенного абсолютизма», в развитии науки и просвещения видел одну из основных общественных потребностей, скептически относился к институту монашества.⁷⁵ Эта подстановка чужой биографии под свою несомненно должна была облегчить Софронию переход к обобщению реальных событий своей собственной жизни, собравшей как в фокусе все беды и муки, которые терпел в течение веков поработенный болгарский народ. Потребность в этом была тем сильнее, что Софроний все-таки чувствовал себя связанным текстом Кантемира, и в основном и главным строго его придерживался. Сделанные им вставки, исправления и сокращения имели скорее характер редакторской работы, а не самостоятельного литературного творчества.

На возможность такой связи обоих сочинений указывает совпадение отдельных эпизодов, рассказанных Кантемиром, с эпизодами из жизни Софрония, на которых он останавливается в Житии. Это прежде всего

⁷⁴ В переводе Софроний чаще, чем Кантемир, употребляет форму первого лица единственного числа «я» вместо книжного «мы».

⁷⁵ Систима, стр. 288—289; предисловие Софрония к «Недельнику» и гл. 17 2-го видинского сборника.

рассказ о семнадцатилетнем греческом юноше Николае из Константинополья, ставшем жертвой мстительного янычара:

Кантемир

Во вратах градских константинопольских яже ныне нарицаются Паша Капуси, то есть врата Пашей, древле Христопили гречин некий юный, семнадцать лет сущи, именем Николай, зело прекрасный и аки ангелское лице имеющий отрок [елеи, мигдалы и протчая, яже бакал то есть харчевники продавати обычай имеют, в каморе отца своего продаеше]. Напротив же оныя каморы, по другую страну, стоит кустодиа янычаров, врата стерегущих (Систима, стр. 255).

Софроний

На вратах цароградскихъ, що са нарича сеги Паша Каписи, а на ветхое време са нарицала Златая врата, были някой гречени младый до семнадцать години, на имя Николае, ала был юноша много прекрасен лицом и [лице тому было красно и светло] катоггельское лице. Был бакалин тамо на единый дукьянь. Ала насреща тоя дукьянь имало караул, сиреч яничарский колульк и някой от оныя яничары, катог гледал онего бла[го]лепнаго и краснаго отрока, по нихное не трудное обычай, фатилса за онего отрока на злая любовь, зарад да учини сас него содомский грехъ и всякоги непрестано просяще от него това (Пол. 1204, л. 310).

Этот эпизод чрезвычайно схож с подлинным происшествием, случившимся с Софронием в Константинополе, куда он в возрасте 17 лет направился по делам умершего отца.⁷⁶

Итак, первоначально задуманная Софронием подстановка биографии Кантемира под свою биографию в целях большей убедительности рассказываемого, возможно, постепенно приводит его к мысли о создании подлинной автобиографии, своей несомненной достоверностью долженствовавшей еще сильнее воздействовать на читателя. Это предположение, как нам кажется, позволяет объяснить многое из того, что до сих пор ставило в тупик исследователей, например отсутствие в Житии упоминания о вострече с Паисием Хилендарским, сыгравшей такую решающую роль в формировании национального самосознания у Софрония,⁷⁷ и др. Исследователи, пытаясь определить Житие как завещание, исповедь⁷⁸ или отчет, неизбежно впадают в противоречие с его содержанием. Житие — отнюдь не исповедь. Исповедь предполагает прежде всего покаяние или раскаяние в содеянном и новом обращении на путь истинный. Пафос Жития не в раскаянии, хотя Софроний неоднократно упрекает себя за допущенные им неблагоприятные поступки в отношении своей паствы. Он скорбит о содеянном, но эта скорбь лишена самоуничтожения, самоотрицания, характерного для исповеди. Житие лишено также малейшего оттенка назидательности, поучения, что всегда характерно для завещания. Еще менее — это отчет о своей жизни. Софроний вообще не подводит итогов, он отнюдь не мемуарист, перечисляющий людей, с которыми он сталкивался в жизни, или факты и события, свидетелем которых он был. Как это ни парадоксально, Софроний, описывая свою жизнь, меньше всего занят самим собой. Здесь мы полностью согласны с точкой зрения, высказанной М. Арнаутовым и поддержанной К. Мечевым, что «Софроний непринужденно, безыскусно, просто и волнующе знакомит читателя не

⁷⁶ Софрони Врачански. Избрани творения. Под ред. на Петър Диневков, София, 1946, стр. 10.

⁷⁷ П. Орешков (Автобиография, стр. 82, 84) и В. Киселков (Софрони Врачански, стр. 205) ставят это Софронию в упрек.

⁷⁸ В. Киселков считает, что Софроний таким образом пытается успокоить свою совесть, оправдаться за отъезд (В. Киселков. Софрони Врачански, стр. 213).

столько с собственной жизнью, сколько с безрадостной рабской долей болгарского народа под властью османских турок».⁷⁹

«Житие грешного Софрония» — это прежде всего агитационный документ, и в этом отношении К. Мечев ближе к истине, чем П. Орешков и В. Киселков, и хотя мы не видим следов прямого воздействия творчества Аввакума на Софрония, между ними есть то общее, что оба они обращаются к своим читателям — современникам как идеологические вожди. Этим определяется характер изложения, отбор жизненных эпизодов. Для Софрония совсем неважно рассказать о поучительных встречах, о психологических коллизиях — ему прежде всего важно сказать и показать на примере своей собственной жизни, что жить под турецким ярмом больше невозможно.

Житие было написано Софронием в преддверии сербского восстания 1804 г., в разгар освободительного антитурецкого движения в Греции и Румынии, незадолго до начала русско-турецкой войны — и этим объясняется его обличительный пафос, направленный против турецких поработителей и греческого духовенства. Житие, так же как и книга с трех религиях в целом, как «Недельник» и другие литературные работы Софрония, тесно связаны с политической ролью, которую играл в это время Софроний, будучи председателем тайного болгарского революционного комитета, ставившего своей главной задачей организацию национально-освободительной борьбы на территории Болгарии. Все литературные работы Софрония в этот период времени преследуют одну и ту же цель — пробудить поработенную Болгарию к решительной и самоотверженной борьбе за национальную свободу.

Итак, подведем некоторые итоги. Анализ сборника, посвященного трем религиям, и прежде всего характер переводческой деятельности Софрония, открывает нам еще одну страницу в истории болгаро-русско-румынских политических, культурных и литературных связей XVIII—начала XIX в. и расширяет уже имеющиеся данные о характере воздействия русской и румынской литератур на литературную деятельность Софрония.

Несомненно, что для Софрония знакомство с сочинением Д. Кантемира оказалось плодотворным не только в политическом, но и в литературном плане.⁸⁰ Живая непринужденная манера изложения Кантемира способствовала дальнейшему формированию литературного стиля самого Софрония.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Тука да скажим една фабула, що я вси турци непрестанно говорят: някой време ималы росианы сас турците войска баталиа и единь мохамеданин упадналь роб у росианите и узель го единь великий господар и служиль у домь его. Ала сный господарь ималь дщера и била пришла на возраст, и тая като гледала оного юноша мохамеданина како са всякоги кланяль по турецкому обычаю и добре держаль веру свою, почто был человек учень турецким книгама. Оная девойка, говорят, като го гделала всякоги, возлюбила и того, и веру мохамеданскую аресала, и хочела да поиде||следь него. Ала са случи и разболяса оная девойка, и като виде

⁷⁹ К. Мечев. Протопоп Аввакум, стр. 365; см. также: В. Конобеев. Русско-болгарские отношения в 1806—1812 гг. — В кн.: Из истории русско-болгарских отношений. М., 1958, стр. 202.

⁸⁰ У Кантемира, возможно, он заимствует форму обращения к читателю, а также самую идею сборника.

себе како е близу к смерти, позовала скришом оного юноша мохамеданин и рекла ему: «Любимиче юноша, азь толкова бехъ возлюбила и тебе и веру твою, ала это сего умирамь, но хочу азь да са моля на отца и на мать мою, почто смь нимь едиородна, коги умра, да мя облякуть сас многоценныи одежды и да наложат на мене драгии камене и много желтици, и тако украшена да мя погребут у гробь, а ты да приидешь ночью да отворишь гробь мой и все да уземишь това лепое мое украшение, и да си поидешь на турецкая земля, почто азь хочу да са моля на отца моего, кога умра, да тя отпусти свободень да будешь, и да си поидешь на страну твою сас болярство, и да мя не заборяваш, како тя много любях. И като умре оная девойка, погребоха я сас голямое украшение и отець ей свободи онаго роба и отпусти го да си поиде на турецкую страну, каквото са беше помолила дешерь его. Като узе позволение онь да си поиде, през тая ноць отиде и отвори гробь ея да уземе това, що беше му са обещала оная девойка. Коги погледа у гроба, на место оная девойка у гроба лежи телото на неговый ходжа, що го беше училь турецкую книгу, и като виде това почудися и замаяса како е хождата му у гроба, а девойката не има у гроба, и онь като виде таковое променение, затвори гроба и отиде въ свояси. Като отиде на градь свой разбралъ, како е умрель хождата на онаы дни когито умрела и девойката и он разуме мало тая работа и помолился тамо на человецыте да отворят гроба на хождата та да види телото на своего учителя. И оны го послушали, и като отворили на хождата гроба, наишле внутре гроба телото на оная девойка, како принесли ея аггели от Росна на турецкая земля почто была полюбила веру мохамеданскую, затова я извадили аггелите от гиявурските гробища и принесли ея у мохамеданските гробища, а оный ходжа былъ отвонь мохамеданин, ала отвнутре сердцемь и мыслию былъ гиявурин, повыше былъ аресваль христианская вера, а не мохамеданскую, за това го тая ноць принесли диаволите. извадили му телото от мохамеданските гробища и занесли го на Росна, и положили го у христианските гробища, почто не е достоинь да лежи телото му межжу онаы вернии мохамеданы.

Тоя простый и глупый мохамеданския народь, толкова са преклонни да слушать такыва бабины басни и фабулы ложныя, като малин деца, коги имь сказува някоя баба фабулы и приказки, и они верувать како е то все истина: тако и мохамеданыте отворят уши на таковыя фабулы и басни и верувать како е то все истина.

(ГПБ, собр. Погодина 1204, лл. 318 об.—319).